

Ли́дия Гро́т

**Истоки норманизма:
шведская гипербори́ада и Г.З. Байер.**

От внимания современной науки почему-то ускользнул тот факт, что основой норманистских концепций явились античные мифы о гипербореях в истолковании шведских историков XVI–XVII вв., стремившихся доказать, что Гиперборея находилась на территории современной Швеции, а под именем гипербореев выступали прямые предки шведов. Такой взгляд на вещи позволял шведам рассматривать себя как основоположников древнегреческой цивилизации, образовавшей фундамент европейской культуры, а заодно и как основателей крупнейшего восточноевропейского государства – Древней Руси. Не отмечен и вклад в распространении шведской «гипербореады» французских просветителей XVIII в. Рассмотрению именно этих двух вопросов и посвящена данная статья.

Связь современного норманизма с политической историей Швеции XVI в. продемонстрирована в работах А.Н.Сахарова, А.Г.Кузьмина, В.В.Фомина.¹

В работах В.В.Фомина впервые представлена развёрнутая аргументация, опровергающая укоренившееся в науке представление о Г.З. Байере как родоначальнике норманизма, и рассматривается вопрос о его предшественниках. Историк показывает, что истоки норманизма уводят нас в Смутное время, а купелью его была не Германия XVIII в. и «немецкий патриотизм», свысока взиравший на “варварскую Русь”, а Швеция XVI–XVII вв. и политическая мысль шведских придворных кругов, связанных с завоевательной политикой Швеции того периода. Одним из представителей этих кругов был дипломат и историк-любитель П. Петрей (1570–1622)². Его сочинение «История о великом княжестве Московском» (“Regni muschovitici sciographia”), опубликованное в 1614–1615 гг. на шведском языке в Стокгольме, а в 1620 г. также и на немецком языке в Лейпциге, характеризуется как краеугольный камень норманизма. Здесь, в рассказе о первых русских правителях, впервые в историографии была высказана мысль, что варяги русских летописей были выходцами из Швеции: «...оттого кажется ближе к правде, что варяги вышли из Швеции». И если в шведском издании эта мысль была выражена совершенно недвусмысленно, то в немецкой версии – в диспозитивной форме: «...aus dem Königreich Schweden, oder dero incorporirten Ländern, Finland und Lieflland...».³

Исследователь варяжской проблемы из Финляндии А. Латвакангас отмечает неожиданность появления в «Истории о великом княжестве Московском» мысли о шведском происхождении варягов. Буквально за два года до этого сочинения П. Петрей опубликовал трактат по истории Швеции «Краткая и благодетельная хроника обо всех свеарикских и гётских конунгах» (“Een kort och nyttigh chrönica om alla Swerikis och Göthis konungar”). Здесь он постарался обрисовать, в духе времени, подвиги древних шведских конунгов и утверждал, что они завоевали полмира, достигнув пределов Азии, и собирали дань со всех земель к востоку и югу от Балтийского моря. Затрагиваются и отношения с русскими, но ни слова не говорится о шведском происхождении русских князей. Более того, в 1614 г., когда уже начала выходить из печати шведская версия «Regni muschovitici

sciografia», было опубликовано второе издание указанной хроники, в котором П. Петрей указал, что «не нашёл в русских хрониках каких-либо сведений о завоеваниях шведских конунгов, но это и понятно, поскольку хроники начинают рассказ с прихода Рюрика, Синеуса и Трувора из Пруссии в 562 г.»⁴ Тем самым П. Петрей фактически воспроизвел так называемую «Августову легенду», перепутав только дату призвания Рюрика.

Таким образом, создаётся впечатление, что рассуждения о шведском происхождении Рюрика и варягов П. Петрей внёс в готовый текст «Regni muschovitici...», не успев согласовать их со своими прежними публикациями. Спрашивается, что же побудило П. Петрея в кратчайший срок между двумя публикациями перенести и варягов, и Рюрика в Швецию?

В науке долго преобладало представление, будто на переговорах в Выборге 28 августа 1613 г. новгородские послы сами заявили о том, что когда-то у них был князь шведского происхождения, по имени Рюрик. В официальном отчёте шведской делегации о переговорах в Выборге, хранящемся в Государственном архиве Швеции, имеется запись, что руководитель новгородского посольства архимандрит Киприан отметил, что «новгородцы по летописям могут доказать, что был у них великий князь из Швеции по имени Рюрик» (*De Nougårdiske kunde bewijsa af sijne Historier, at the hafwe hafft ifrån Swerige en Storfurste benämndh Rurich*)⁵. Но со временем выяснилось, что «речь Киприана» – подлог, совершенный сановниками Густава II Адольфа, которые сфальсифицировали часть данных в отчёте о переговорах, добавив от себя фразу, будто был в Новгороде «великий князь из Швеции по имени Рюрик». Сличение протокола с неофициальными записями, которые также велись при встрече в Выборге и также сохранились в Государственном архиве Швеции, позволило восстановить подлинные слова архимандрита Киприана: «... в старинных хрониках есть сведения о том, что у новгородцев исстари были свои собственные великие князья, ... так из вышеупомянутых был у них собственный великий князь по имени Родорикус, родом из Римской империи» (...uti gamble Crönikor befinnes att det Nogordesche herskap hafuer af ålder haft deres egen Storfurste for sig sielfue, ... den sidste deres egen Storfurste hafuer uarit udaf det Romerske Rikedt benemd Rodoricus)⁶. Следовательно, он представил ту же самую «Августову легенду», подчёркивая древность родословия новгородских князей.

В чём же дело, каким образом одна и та же мысль вдруг и почти одновременно поразила воображение шведского дипломата и высокопоставленных сановников шведского королевского двора? Чей замысел и чье влияние подтолкнули к подлогу в официальном дипломатическом протоколе? Вопрос далеко не второстепенный, поскольку именно этот протокол и стал важнейшим источником, на который впоследствии ссылались шведские историки, уверяя, что сами новгородцы «помнили» о своем князе Рюрике «родом из Швеции».

Взгляд современной исторической мысли не задержался на том факте, что скрытым источником вдохновения для этой фальсификации явились мифы о гиперборейях, которые оказались в поле зрения ренессансной мысли Западной Европы в общем русле возрождения интереса к античным авторам. Мифами о гиперборейях и вызванным ими возбуждением в учёных кругах заинтересовался первый шведский языковед и собиратель памятников рунического письма Юхан Буре (1568–1652). По предположению шведского историка Юхана Нордстрёма (1891–1967), внимание Ю. Буре привлекло сочинение нидерландского географа Иоанна Горопиуса (1527–1598) под названием «*Origines Antwerpianae*», опубликованное в 1569 г. Это сочинение И. Горопиус посвятил происхождению кимвров, с которыми он связывал основание Антверпена, полагая, что античные мифы о гиперборейях повествуют об историческом прошлом кимвров, величайшего европейского народа, внесшего фундаментальный вклад в греко-римскую цивилизацию⁷.

В Упсальской библиотеке Ю. Нордстрём нашёл экземпляр «*Origines Antwerpianae*», принадлежавший Ю. Буре. Книга испещрена его заметками, свидетельствующими о внимательном ее изучении. В числе прочих заключение: «Надо быть безумцем, чтобы не

понять, что Гиперборея – это Скандия»⁸. Озаренный этой мыслью, Ю. Буре «восстанавливает» древнюю историю свеев, опираясь на мифы о гипербореях.

Главным культом гипербореев был культ Аполлона. Соответственно храм Аполлона усматривается в языческом храме в Упсале, о котором упоминает Адам Бременский. Отсюда делается вывод, что древнегреческие культы имеют скандинавское происхождение. С восторгом Ю. Буре отмечает, что гиперборейский мудрец Абарис, которого упоминает Геродот, поразил своей учёностью самого Пифагора. Описание морских походов гипербореев из Греции по Чёрному морю, затем в Скифию и далее на север оценивается как изложение великих деяний свеев, обогативших человечество, при посредстве греков, ценнейшими изобретениями⁹. Эти заметки Ю. Буре не опубликовал под собственным именем, поскольку историей как таковой он не занимался. Но есть множество свидетельств тому, что его увлечение гипербореями и его трактовка гиперборейских мифов быстро получили распространение в шведском обществе. Ю. Буре был весьма влиятельной фигурой как в придворных, так и в учёных кругах Швеции. Рано начав свою придворную службу, он добился высокого положения при Карле IX и был приставлен в качестве учителя к наследнику престола Густаву Адольфу, который на всю жизнь сохранил уважение и симпатию к Ю. Буре и, взойдя на престол, постоянно осыпал его своими милостями и почётными должностями. Ю. Буре увлекался историей письменности и литературы, был инициатором перевода на шведский язык исландских саг и увековечил свое имя множеством реальных заслуг на поприще шведской словесности¹⁰. Можно сказать, что он был подлинным властителем дум образованных слоёв шведского общества.

Поэтому вполне естественно, что под влиянием Ю. Буре мифами о гипербореях увлекся его современник и почитатель шведский философ и поэт Георг Штэрнфельм (1598–1672)¹¹. После смерти Г. Штэрнфельма был издан (1685) его трактат о гипербореях под названием «De Hyperboreis Dissertatio», развивавший идеи Ю. Буре о том, что Скандинавский полуостров – это страна гипербореев, описанная в древнегреческих мифах, а сами свеи – это гипербореи, от которых греки получили своих самых древних богов. Следовательно, древнегреческие культы имеют скандинавские истоки, а храм в Упсале – храм Аполлона. Влияние «гипербориады» Ю. Буре на ход мыслей Г. Штэрнфельма вполне очевидно. Вместе с тем в его трактате идеи Ю. Буре получили дальнейшее развитие. Продолжая рассуждения Ю. Буре о культе Аполлона у гипербореев, он отождествил Аполлона с Одином, а сына Одина Ньёрда – с Нордом, который в греческом переводе стал Бореем. В географических названиях греческих мифов Г. Штэрнфельм усмотрел искажённые скандинавские топонимы: в частности, в Эликсии или острове гипербореев он опознал Helsingör или Heligsond в Западной Норвегии. Соответственно и в собственных именах гипербореев он выявил искажённые скандинавские имена. Например, имя гиперборейского мудреца Абариса из сказания, упоминаемого Геродотом, оказалось искажённым Ewart или Iwart¹². По-видимому, в его сознании не возникал вопрос, что может быть общего между Одином, косматым и кривым стариком, как запечатлен этот образ в скандинавской мифологии, и стройным златокудрым красавцем Аполлоном из греческих мифов. Фантазия – великая сила, позволяющая человеку «видеть» то, во что ему хочется верить.

Следует учесть, что духовное развитие скандинавского общества описываемого периода отмечено интенсивным осмыслением своих национальных корней. Начинаются поиски рукописей исландских саг, их исследования, переводы и публикации. Ученик Г. Штэрнфельма Олаус Верелий (1618–1682), первый профессор (1662) Упсальского университета в области изучения древностей отечественной истории, положил начало сравнительному анализу исландских саг с целью обоснования выводов своего учителя о скандинавском происхождении гипербореев. И он не преминул обнаружить в сагах множество «доказательств» в пользу теории своего учителя, а его опыт получил развитие в трудах его последователей. В частности, на основе изысканий О. Верелия был сделан вывод, что античные авторы, особенно Диодор Сицилийский, – неоценимый источник сведений по древней истории Швеции¹³.

Приняв во внимание приведённые примеры, естественно предположить, что именно Ю. Буре и стоит в истоках «гипербориады», захватившей как научную мысль, так и более широкие круги шведского общества XVII в. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о том, когда же именно Ю. Буре обратился к мифам о гиперборейцах и отождествил их со свеями. Ю. Нордстрём приводит пометку Ю. Буре на первой странице: “Эта книга более всего способствовала тому, что в 1613 г. я узнал сокровенную истину, которая не открывалась до меня ни одному автору”. На этом основании Ю. Нордстрём полагает, что увлечение Ю. Буре гиперборейскими мифами восходит к 1610 г.¹⁴

По всей вероятности, Ю. Буре занимался изучением гиперборейских мифов в период с 1610 г. по 1613 г., когда ему «открылась истина», что свеи – это гиперборейцы, заложившие основы европейской культуры. В 1614–1615 гг. дипломат П. Петрей публикует своё историческое сочинение, в котором родоначальник древнерусской княжеской династии Рюрик неожиданно объявляется выходцем из Швеции. Как отмечалось выше, в немецком его издании о шведском происхождении Рюрика говорилось в диспозитивной форме: либо с южного побережья Балтики, либо с северного. Это нетрудно понять, если принять во внимание распространённость во времена П. Петрея немецкоязычной историографической традиции, выводившей варягов из Вагрии. Примером может служить историко-географический труд немецкого гуманиста С. Мюнстера «Космография», вышедший в Базеле в 1543 г. и содержащий обзор европейских правителей и династий. В числе прочих был упомянут и князь Рюрик, призванный в Новгород из народа вагров или варягов, главным городом которых был Любек (...aus den Folckern Wagrii oder Waregi genannt, deren Hauptstatt war Lübeck)¹⁵. Важно подчеркнуть, что одним из вдохновителей труда С. Мюнстера был шведский король Густав Ваза (ум. 1560), который через своего дипломатического советника Георга Нормана передал С. Мюнстеру пожелание, чтобы в его труде новым блеском засияло великое прошлое готлов. С. Мюнстер постарался выполнить это пожелание и посвятил свой труд Густаву Вазе¹⁶. Естественно, П. Петрею надо было проявить дипломатическую ловкость, предлагая свою «альтернативу» столь уважаемому сочинению.

Далее рассуждения П. Петрея о летописных именах русских князей разительного напоминают рассуждения Г. Штэрнфельма о древнегреческих именах как искажённых шведских. Так, если, согласно Г. Штэрнфельму, имя гиперборейского мудреца Абариса – это искажённое шведское Эварт или Ивэрт, то, согласно П. Петрею, имена древнерусских князей Рюрика, Трувора и Синеуса – это искажённые шведские имена Эрика, Сигге и Туре¹⁷. Отличие по существу сводится к тому, что работы Г. Штэрнфельма давно никем всерьёз не принимаются, а домыслы П. Петрея о княжеских именах, «от шведского языка испорченных», по-прежнему тиражируются в науке.

Влиянием Ю. Буре, по всей вероятности, можно объяснить и дерзость шведских сановников, сфальсифицировавших отчёт о переговорах: едва ли они решились бы на заведомый подлог без поддержки влиятельных лиц. И этот подлог имел существенный резонанс. «Сведения» из сфальсифицированного отчёта, равно как и из книги П. Петрея, стали распространяться в учёных кругах Европы, постепенно вытесняя немецкоязычную историографическую традицию, выводившую варягов из Вагрии. В 1671 г. шведский королевский историограф Юхан Видекинд опубликовал «Историю десятилетней шведско-московитской войны», с описанием событий Смутного времени, где привел слова архимандрита Киприана из этого отчёта с собственными комментариями: «Из древней истории видно, что за несколько сот лет до подчинения Новгорода господству Москвы его население с радостью приняло из Швеции князя Рюрика»¹⁸. Работа Ю. Видекинда неизменно пользовалась доверием: придворный историограф имел доступ к королевскому архиву и опирался на подлинные архивные материалы. В частности, в восприятии А.Л. Шлёцера сведения Ю. Видекинды неопровержимо свидетельствовали о том, что в Смутное время новгородцы верили в шведское происхождение Рюрика¹⁹.

Из приведённых фактов явствует, что со второго десятилетия XVII в. младшие коллеги Ю. Буре по изучению шведской словесности увлеченно разрабатывают тему основополагающей роли свеев в древнегреческой культуре, почти дословно цитируя записки Ю. Буре. Практически синхронно с этим процессом, в условиях военного присутствия Швеции в Новгородской земле, официальными представителями шведского королевского двора распространяются представления о свеях как родоначальниках русской великокняжеской династии. При этом аргументация обеих сторон чрезвычайно сходна: как в древнегреческой, так и в древнерусской традициях отыскиваются «испорченные» шведские имена в качестве доказательств фундаментальной роли шведских предков в том и другом случае.

И наконец, мифотворческие усилия в обоих этих направлениях слились воедино в творчестве шведского писателя и профессора медицины Олофа Рудбека (1630–1702), в частности в главном его произведении «Атлантида» (“*Atland eller Manheim*”). С именем этого автора оказался связан особый феномен шведской историографии, «рудбекианство». Обычно творчество О. Рудбека связывают с готицизмом, модным в то время течением западноевропейской историософии, восходившим своими корнями к раннему средневековью, но получившим развитие с XVI в., сфокусировав внимание на великом прошлом готов как завоевателей мира и героических предков германских народов. Колыбелью готов был объявлен шведский юг, Гёталандия. Готицизм льстил шведскому самосознанию, но при этом создавал и некоторый дискомфорт, невольно отодвигая в тень другого предка шведов и притом более именитого, по понятиям того времени, а именно свеев, от которых вели происхождение и королевская династия Швеции, и само ее имя *Sverige*, т. е. *Svearike*, Свейское королевство. Поэтому предложенное Ю. Буре отождествление свеев с гиперборейцами как нельзя лучше вписалось в общее русло культурных исканий шведского общества. При таком сочетании каждый получал своё: готы / гёты закладывали фундамент германской культуры, а свеи, под именем гипербореев, выступали основоположниками греко-римской цивилизации, фундамента всей европейской культуры, включая и древнерусскую ее ветвь. Именно такая двойная перспектива и получила развитие в творчестве О. Рудбека.

Поэтому рудбекианство не вполне идентично готицизму, хотя и вобрало многие его черты. В данном же случае на это следует обратить внимание по той простой причине, что именно «гипербореада» О. Рудбека и сыграла решающую роль в развитии древнерусской историографии.

О. Рудбек принадлежал к упсальскому ученому сообществу, лично знал Олауса Верелия и разделял его взгляды как относительно скандинавского происхождения гипербореев, так и в части отождествления страны гипербореев со Скандинавией. Поэтому в «Атлантиде» О. Рудбека красной нитью проходила идея основополагающей роли шведов во все времена и для всех народов, а Швеция выступала колыбелью всей европейской культуры, в том числе и греко-римской, и древнерусской²⁰.

В своей «Атлантиде» О. Рудбек проповедует мысль о том, что за именами многих народов и стран у античных авторов скрываются прямые предки шведов. Поэтому он отождествляет со Швецией как платоновскую Атлантиду, так и остров гипербореев, вслед за Буре и его учениками. При этом О. Рудбек, опираясь на Диодора Сицилийского, в частности на его рассказ о правителях гипербореев, потомках Борея, уверяет, что имя Борея обнаруживается у предков шведских конунгов. Так, один из них носил имя Поре / Боре (*Pore / Bore*), которое греки произносили как Борей. От него и пошло выражение «род Борея». Свои доказательства О. Рудбек основывает на филологических рассуждениях, которые заслуживают более подробной характеристики, разительно напоминая «этимологический метод» современной науки. Выражение «род Борея» (*Boges ätt*), по мнению О. Рудбека, у скандинавских скальдов варьировалось как *borne* (урождённый), *ätteborne* (по происхождению, по рождению), *bordig* (происходящий). Исходным для всех этих слов, указывал О. Рудбек, служил глагол *bära*, «рождать», откуда и *barn* (ребёнок), и

barnbarn (потомок). Отсюда пошли, согласно О. Рудбеку, выражения *börd födsel* (благородного происхождения) и *bore fader*²¹. Последнее выражение как таковое смысла не имеет, но в общем русле рассуждений О. Рудбека фактически наделяется значением «урождённый по отцу», ибо далее Рудбек рассуждает следующим образом. Слово «дети или потомки», *ungar*, стало произноситься как *Yngiar* или *Ynglingar*, эквивалентно имени Инглингов, легендарной династии шведских конунгов из «Круга земного» Снорри Стурлусона, и постепенно стало использоваться для обозначения королевской династии. Почва для этого была подготовлена прежними обозначениями королевских потомков, такими как *borne*, *baarne*, *baroner*. Последнее слово О. Рудбек также относит к «скандинавским» по происхождению.²² Постепенно слово *borne* стало варьироваться и использоваться с приставкой *över*, «высокий», чтобы подчеркнуть благородство происхождения. Именно такая форма, *överboren*, «высший среди *borne*», и закрепилась за династией конунгов. Это слово, согласно О. Рудбеку, было подхвачено древними писателями, чтобы отметить особо выдающихся потомков рода *borne*, поэтому слово *överborne* утвердилось в значении «благороднейший». Название *Överbornes ö* (у О. Рудбека *Yfwerbornes Öö*) закрепилось в свою очередь за Скандинавским полуостровом в качестве места проживания Упсальской династии как самой высокородной. Соответственно, считает О. Рудбек, и северный ветер стал называться *Boreas* в классической традиции. Но греческие писатели, вероятно, не знали древнескандинавских реалий, в силу чего Диодор Сицилийский взял из скандинавского слова *yfwerbornes* приставку *över-* и перевёл её на греческий как *hyper*, откуда и получилось слово *hyperboreas*, породив ошибочное мнение, будто слово «гипербореи» – греческое. Нет, убеждён О. Рудбек, это природное скандинавское имя, заимствованное греками и переделанное на свой лад²³.

С помощью такой «этимологии» – или «филологической герменевтики» – О. Рудбек доказал скандинавское происхождение Гипербореи, продемонстрировав, что Диодор не опознал в греческом Борее доброе старое шведское имя Поре/Боре. Таковую же «Герменевтику» О. Рудбек использовал для доказательства скандинавского происхождения и ряда других топонимов греческих мифов. Например, в главе «О наименовании Швеции *Heligs Öja* или остров Блаженных» Рудбек постулировал, что в древности Швеция называлась также и Эликсией, или островом Блаженных. Это рассуждение стоит воспроизвести: «Из всех имён, которыми Швеция была почтена и которые были услышаны греками и записаны ими в несколько неверном виде, было и такое как *Helixoia*..., которое произносилось также как *Elixoia*, остров, где жили *yfwerborne*». Если бы греки понимали наш язык, – продолжает О. Рудбек, – они бы не стали писать, что *Elixoia* – остров, поскольку шведское слово «*ö*», «остров», уже входит в название *Elixoia*. Но отсюда и явствует, что за греческим названием *Эликсия* скрывается шведское *Heligsö*, что и означает, по О. Рудбеку, «Остров Блаженных»²⁴.

Этих примеров, по-видимому, достаточно, чтобы проиллюстрировать эпистемологию шведской «гипербориады», существо которой сводится к тому, что материал чужой истории подгоняется к своей собственной и осваивается на ее территории. Задерживаться на этом едва ли стоит, поскольку творческая деятельность О. Рудбека уже получила оценку в шведской историографии. По заключению Ю. Свеннунга, шовинистические причуды человеческой фантазии Олаус Рудбек довёл до абсурда²⁵.

Тем не менее приведённые выдержки из работы О. Рудбека получают поразительные соответствия в историографии древней Руси. Так же, как О. Рудбек упрекал Диодора, современные норманисты упрекают древнерусских летописцев в незнании скандинавского языка и неверной передаче непонятных им «скандинавских» слов, существующих порой лишь в воображении современных наследников шведской «гипербориады». В их трудах легко узнаваемы и вера в скандинавское происхождение древнерусских топонимов, этнонимов и антропонимов, и метод «доказательства» их скандинавской этимологии²⁶.

И это сходство неслучайно, ибо обусловлено прямой генетической зависимостью от взглядов О. Рудбека. Как уже отмечалось выше, «причудами фантазии» О. Рудбека предкам шведов, готам и свеям, оказалась приписана основополагающая роль и в греко-римской, и в русской истории. Имя свеев с равной легкостью переносилось и на древних гипербореев, и в русскую историю. Толкуя Геродота, О. Рудбек писал, что шведы это скифы, которые покоряли славян и обращали их в рабство. Согласно О. Рудбеку, при жизни Александра Македонского Один и его потомки властвовали над большинством земель вокруг Черного моря, а впоследствии власть перешла к готско-шведскому королю Германариху. Уже тогда «шведские волки» беспрепятственно бороздили Балтийское, Чёрное и Средиземное моря вплоть до Спарты²⁷.

Вспоминать об этом приходится постольку, поскольку именно к О. Рудбеку и восходят многие постулируемые нынешними норманистами идеи, в частности отстаиваемое ими толкование происхождения имени варягов, которое традиционно возводится к Г.З. Байеру. Стараясь доказать шведское происхождение варягов, Г.З. Байер утверждал, что «Скандия от некоторых называется Вергион» и «оное значит остров волков, ... что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля ... Скандинавцы бо почти в беспрестанном морском разбое упражнялись, отчего варгами и отчество их Варгион, или Варггем, могло называться»²⁸. Эту фантазию Г.З. Байер дословно позаимствовал у О. Рудбека. Так, в «Атлантиде» Рудбек писал: «Ю. Магнус в своей «Истории» неоднократно говорит, что некоторые называли остров Швеция как Вергион. П. Классон называет ее «Варгёэн» (Wargöön). Шведское море, «Эстершён» (Östersjön, т.е. «Восточное море» – Л.Г.), русские называют «Варгехавет» (Wargehafwet), как видно из русских записок Герберштейна, а шведов – «варьар» (Wargar), что показывает, что великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции, когда мы туда пришли. Почему Швеция получила это имя, хорошо разъясняется О. Верелиусом в его примечании к Гервардовой саге: от великого разбоя на море, поскольку волки (Wargur) – это те, кто грабят и опустошают и на суше, и на море»²⁹.

В чём же дело? Почему «причуды фантазии» О. Рудбека, давно получившие адекватную оценку и породившие понятие «рудбекианство» в качестве обозначения мифотворчества в исторической науке, получили постоянную прописку в русской истории? Здесь следует принять во внимание, что в западной науке негативная оценка творчества Рудбека распространяется только на его попытки доказать основополагающую роль шведов в греко-римской цивилизации. Эта часть рудбековской «Атлантиды» под обстрелом критики давно погрузилась на дно истории, причем под обстрелом критики не только научной. В рамках дискуссий о германских корнях постепенно стал развиваться немецкий германоцентризм, который в XIX в. приобрел форму индогерманистики, поместившей в центр европейской истории современную Германию³⁰. Поиски исторических корней в этом направлении, как известно, породили идею праарийской «колыбели» в Германии, от которой стали отпочковываться гипотезы о решающей роли «нордической расы» практически во всей человеческой истории. Центр «нордического самосознания» сместился на Рейн³¹.

Что же касается «причуд фантазии» О. Рудбека относительно варягов и других сюжетов древнерусской истории, то им выпала иная судьба. И в ней заметную негативную роль сыграли западноевропейские мыслители эпохи Просвещения, точнее их увлечение рудбекианством и особенно готицизмом, которому многие из них отдали обильную дань.

Видную роль в развитии готицизма опять-таки сыграли представители шведской общественной мысли. Крупными апологетами готицизма явились шведские историки XVI в. Юханнес Магнус (1488–1544) и Олаус Магнус (1490–1557). В их сочинениях мысль о приоритете германцев в европейской истории связывалась с образом Швеции как прародины готов, с обоснованием готского происхождения шведских королей и описанием их героических деяний на протяжении тысячелетий, с рассказами об их побе-

доносных походах и т. д. Особую поддержку готицизм получил в Швеции в XVII столетии, в период правления Густава II Адольфа, на фоне громких побед шведской армии в Тридцатилетней войне (1618–1648). На основе готицизма того времени, с одной стороны, начинается серьезное изучение скандинавскими историками прошлого своих стран, а с другой, развивается склонность к романтической идеализации этого прошлого. При короле Густаве II Адольфе (1611–1632) представление о древнем величии шведских королей и грандиозных масштабах их завоеваний достигло апогея своего развития и легло в основу шведской историографии.

В русле готицизма понятия «готское» и «германское» постепенно слились в одно целое. На определенном этапе к ним добавился третий синоним, «норманское», и в итоге сложился историографический штамп: «готский период» в европейской истории стал отождествляться с «норманским периодом». Этим мы обязаны также шведскому готицизму, в частности работам шведского религиозного деятеля Олауса Петри (1493–1552), который впервые в шведской историографии затронул тему походов и завоеваний скандинавских викингов. О. Петри утверждал, что в иностранных хрониках часто упоминаются *normannorum* или *nordmen* и вполне очевидно, что они могли происходить только из трёх скандинавских стран³². Почему это очевидно, не разъяснялось. Одной из таких «иностранных хроник», вероятно, были и ставшие сейчас знаменитыми свидетельства итальянского историка и дипломата X в. Лиутпранда, который отметил, что итальянцы называли русов нордманами и объяснил, почему: от тевтонского *nord – север*, и *man – человек*, откуда и получают *северные люди, северяне*. Вот этих самых *северян* средневековых хроник представители шведского готицизма и стали поселять исключительно на Скандинавском полуострове, открыв путь для произвольных толкований сообщений средневековых хронистов.

Идеи шведского готицизма использовались представителями общеевропейского готицизма, прежде всего немецкого и английского. Сначала посредническую роль сыграла немецкоязычная литература. Затем готицизм стал популярен и в Англии XVI–XVII вв. В сочинениях по английской истории стали использоваться представления шведских авторов о готах как выходцах из Скандинавии и общем готском происхождении всех германских народов. Англосаксы связывались по происхождению с древними Германцами, саксы рассматривались как ветвь готов, целые рои которых вылетали из северного улья и под руководством Одина завладевали всеми землями Балтийского региона. Соответственно и «Атлантида» О. Рудбека, со всеми её «причудами фантазии», была встречена в Англии с энтузиазмом³³.

Фимиам, который курили О. Рудбеку в Англии, не прошёл мимо внимания также и французских просветителей, особенно Ш.Л. Монтескье. В своем сочинении «О духе законов» (1748) он писал о О. Рудбеке в самых лесных тонах³⁴. Норвежский историк Й.П. Нильсен отметил, что именно у «...Монтескье мы находим представление о скандинавах как основоположниках монархии»³⁵. Аналогичные идеи встречаются и у Вольтера в его «Истории Карла XII»³⁶.

Таким образом, в 1735 г., когда Г.З. Байер опубликовал свою статью «О варягах», слава «Атлантиды» О. Рудбека была в самом зените, а сам О. Рудбек Пользовался признанием ведущих авторитетов западноевропейской общественной мысли. В сущности, родившись в конце XVII в., Г.З. Байер вырос и сформировался как мыслитель в условиях безраздельного господства рудбекианства, продолжавшего свое триумфальное шествие вплоть до середины XVIII в. Поэтому в 1726 г., когда Байер прибыл в Петербург, он имел уже вполне сложившийся взгляд на русскую историю. Мифы о гиперборейцах обеспечили теоретическую базу, сомневаться в респектабельности которой было бы просто провинциализмом. Не было места для сомнений в том, что летописные варяги – это скандинавские волки, бесстрашные и удачливые бродяги и разбойники. Опираясь на готицизм и рудбекианизм, Г.З. Байер увидел в Бертинских анналах – источнике, который он сам же и ввёл впервые в научный оборот – неопровержимое доказательство истинности теорий, на

которых он был воспитан. Рассказ Бертинских анналов о посольстве византийского императора Феофила к императору франков Людовику I в 839 г. и появлении в Ингельгейме в составе посольства представителей народа «рос» (Rhos), правитель которого носил титул хакана (Chacanus), сообщение об их принадлежности к свеонам – всё это было увязано в один узел байеровским переводом слов «eos gentis esse Sueonum» как «от поколения шведы были»³⁷. А это явилось грубой модернизацией содержания источника, поскольку шведского народа в IX в. не существовало. На территории нынешней Швеции в то время располагались два конунгства, свеев и гётов. Поэтому на Скандинавском полуострове gens Sueonum можно было бы связать только со свеями, но на этом пути возникало препятствие в *Повести временных лет* (далее ПВЛ), утверждающей, что в Балтийском регионе свеи представляют собою особый народ, не идентичный варягам и руси. Из этого мог последовать вывод, что свеоны Бертинских анналов и свеи из Свеярике – два разных народа, хотя и со сходными именами. Феномен в науке известный: этнонимы кочуют, как и люди, которые, переселяясь, берут с собой имена своих предков и называют ими новые земли и, по существу, новые народы. В качестве примера можно напомнить аргументы В.Я. Петрухина и Д.С. Раевского, критиковавших А.В. Назаренко за ассоциацию *руси* с народом *ruzzi* Баварского географа конца IX в. и отмечавших, что он не учитывает возможность такого положения вещей, «когда схожие этниканы обозначают разные этносы»³⁸. (Как, например, англичане и жители штата Новая Англия в США – разные этнические группы со сходным именем, восходящим к имени их общих предков, *англов*, которые переселились в Англию с юга Ютландского полуострова и происхождение которых теряется в глубине времён.)

Сообщение Бертинских анналов явилось тем решающим аргументом для Г.З. Байера, который позволил ему огульно отрицать свидетельства всех источников, противоречивших его концепции «народ Rhos – отроду шведы». В угоду этому «открытию» были дискредитированы, например, составители немецких генеалогий, отстаивавшие происхождение Рюрика из Вагрии. Бертинские анналы стали главным открытием Г.З. Байера, его звёздным часом, поэтому он объявил войну любому Рюрику, который не был «отроду шведом». И позиция Г.З. Байера получила поддержку со стороны авторитетов эпохи Просвещения, отрицавших существование институтов наследственной власти архаической эпохи, и рудбекианство со всеми его «причудами фантазии» заняло прочное место в русской исторической мысли.

Из представленного материала вытекает ряд предварительных выводов, проясняющих истоки норманизма.

1. Рассмотрение мифотворчества шведских литераторов и политических Деятелей XVI-XVII вв. обнаруживает несомненную связь между их фантастическими реконструкциями великого прошлого предков шведского народа и современным норманизмом.

2. Основой современного норманизма по существу остаются мифы о гипербореях, приспособленные учениками и последователями Ю. Буре к истории Швеции. И если сама шведская «гиперборида» осталась феноменом шведской культуры XVI-XVII веков, то методы ее творцов продолжают применяться норманистами.

Какими доказательствами оперировали шведские писатели XVI-XVII вв.? В первую очередь, личными именами, этнонимами и географическими названиями, этимология которых путём произвольных умозаключений выводилась из шведского языка. Какими аргументами оперируют современные норманисты? Также утверждениями о скандинавской этимологии этнонима Русь и древнерусских княжеских имен. Чем же их аргументация отличается от аргументации П. Петрея, Г. Штэнельма, Ю. Рудбека? Из приведенных примеров видно, что по существу ничем: тот же «этимологический» метод, хотя и в наукообразной форме, с учетом достижений исторического языкознания.

Между тем утверждение Г. Штэрнхельма о том, что имя гиперборейского мудреца Абариса – результат искажения шведского имени Эварта или Ивэрта, равно как и «этимологические» опыты Ю. Рудбека по поводу древнешведского происхождения имени Борея давно никем не принимаются всерьез. Почему же по существу идентичные им утверждения норманистов о том, что княжеское имя Рюрик – это древнескандинавское *Hrórekr*, в силу чего постулируется скандинавское происхождение также и самого носителя этого имени, по-прежнему находят себе место в академической науке? Такая система «доказательств» – тоже детище историсофских утопий XVI-XVII вв., а утопии могут порождать только утопии. Рассуждения норманистов о происхождении имени Русь от древних шведских наименований побережья Рослагена, при посредстве финского Руотси, по существу аналогичны умозаключениям Рудбека о происхождении греческой Гипербореи от древнешведского *Yfwerbornes Öö*, Острова высокогордных.

И это не повод для насмешек: если вспомнить, сколько времени и сил образованных и трудолюбивых людей израсходовано на обоснование такой этимологии Руси, то эта эпопея приобретает трагический колорит.

3. Свидетельством утопической природы норманизма служит неспособность его сторонников выйти за пределы методологии XVI-XVII вв. Утопия не обладает способностью саморазвития, обеспечивающего движение от старого к новому, а лишь воспроизводит саму себя. Примеры с антропонимами и топонимами – одно из подтверждений справедливости такого заключения. Но такую же сохранность в современной науке обнаруживают и другие «открытия» рудбекианства. Например, идея исходно скандинавского происхождения древнегреческих культов, в частности культа Аполлона, обрела новую жизнь в попытках норманистов отождествить культы Перуна и Волоса с культами Тора и Одина (или, по крайней мере, доказать наличие последних на Руси). Стремление рудбекианцев увидеть в древнегреческих источниках от Геродота до Диодора Сицилийского пересказ древнешведской устной традиции получило продолжение в попытках вывести происхождение ПВЛ из древнешведского дружинного эпоса или исландских саг.

4. Рудбекианство едва ли получило бы общеевропейскую популярность, если бы не попало в струю такого влиятельного течения общественной мысли, как готицизм, и не было подкреплено авторитетами английского готицизма и французского Просвещения. Работы О. Рудбека и его предшественников ждало такое же забвение, какое выпало на долю сочинения И. Горопиуса, связавшего мифы о гиперборейцах с кимврами и не задевшего таким образом интересы ни одного из преобладавших в Западной Европе XVI–XVII вв. направлений общественной мысли.

Первым из них был спор о славянском и германском начале, чьи предки древнее и славнее, начавшийся в XVI в. в немецко- и славяноязычной среде Западной Европы, в условиях становления национальных государств. Вторым явился готицизм, зародившийся под влиянием антинемецкой пропаганды в Италии XVI в., как реакция на выступления вождей Реформации против Римско-католической церкви. Под обстрел этой пропаганды попала и роль готов в истории, которая стала представляться в сугубо негативных тонах, как олицетворение всего грубого, варварского, разрушившего Рим – цитадель классической культуры³⁹. Развивался такой взгляд постепенно, на основе ренессансных поисков античных истоков европейской культуры. Уже Петрарка (1304–1374) расценивал последовавший за античностью готский период европейской истории как период беспросветного варварства.⁴⁰ Именно в этой насыщенной идеологическими испарениями среде и расплодились историко-пропагандистские сочинения ответного характера, прославлявшие готов и их деяния, отождествлявшие готов с германцами и обнаруживавшие готские корни едва ли не во всех европейских культурах. Первоначально защитный характер этого историко-литературного направления воодушевлял его представителей пафосом несправедливо го-

нимых страдальцев. Апофеозом готицизма и рудбекианства в первой половине XVIII в. стали работы таких видных мыслителей как Монтескье и Вольтер.

Всё это следует иметь в виду, чтобы осознать, что во взглядах Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера не было ничего самостоятельного. Они привезли в Россию модные новинки идейной жизни Западной Европы. Г.З. Байеру русская наука «обязана» рудбекианством. Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлёцер выступили эпигонами теории Общественного договора, объединившей идейно-политические и историсософские взгляды философов-просветителей, согласно которым государственности с наследственной властью предшествовал период свободы и народоправства с выборными правителями. Достаточно напомнить, что работа Ш.Л. Монтескье «О духе законов» была опубликована в 1748 г., т. е. за год до диссертации Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского» (1749), в которой утверждалось, что до призвания варягов «правление было демократическое» и «новгородцы были без владетелей». Под влиянием этих идей Рюрик потерял права наследного князя и превратился в безродного наёмника. Во второй половине XVIII века Ф.М. Вольтер, ставший наиболее влиятельным представителем французского Просвещения, выдвинул новый лозунг. В своих исторических работах, особенно в многотомном труде «Опыт о нравах и духе народов» (1756-1769), он выступил с резкой критикой официальной исторической науки и обосновал так называемый метод исторической критики, опираясь на который в массе собранных фактов следовало отделять достоверное от вымысла и тем самым очищать историю от всего «чудесного и фантастического». И уже в 1762–1769 гг. А. Л. Шлёцер с энтузиазмом неопита приступает к «очищению» Нестора с целью предоставить пример, «каким образом можно и должно исправить самого Нестора с помощью прочих исторических знаний ... Очистить ещё мало обработанную историю от басней, ошибок и вздорных мнений»⁴¹.

5. Влияние собственно готицизма также прослеживается во взглядах норманистов. Из готицизма, в частности, перекочевала идея о возможном приоритете экзогенного фактора в становлении государственности, при условии, разумеется, если в роли экзогенного фактора выступает готско-германское начало. Эта идея выросла из идеализации прошлого готов, якобы создавших государственность во Франции и Англии в результате своих завоеваний и соответственно давших свои имена вновь образованным государствам. Аналогичная же аргументация при доказательстве скандинавского происхождения имени Руси прослеживается и у Г.Ф. Миллера, сославшегося на то, что «подобным почти образом ... галлы франками и британцы агличанами именованы»⁴². Применяется она и сегодня.

Нельзя не отметить, что укоренению среди советских исследователей идеи приоритета внешнего фактора при образовании государств на примере гото-германских или норманских завоеваний весьма содействовала статья К. Маркса «Тайная дипломатия XVIII в.», написанная в конце 50-х годов XIX в., а в полном виде опубликованная лишь после его смерти, в 1899 г., но так и не включенная ни в одно из собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изданных в советское время⁴³. В этой статье К. Маркс предпринял краткий экскурс в историческое прошлое России, и единственным автором, на работы которого он при этом опирался, был А. Шлёцер. Вслед за ним К. Маркс рассматривал начало русской истории как «...естественный результат примитивной организации норманского завоевания, вассалитет без ленов или лены, представленные только данью, где необходимость новых завоеваний поддерживалась постоянным притоком новых варяжских искателей приключений, которые жаждали почестей и добычи. Если предводители пытались приостановиться, то их верные сподвижники вынуждали их двигаться дальше. И как в России, так и во французской Нормандии наступал такой момент, когда предводители посылали своих распущенных и ненасытных соратников на новые завоевания уже с одной-единственной целью, только чтобы избавиться от них. Завоевательные походы первых Рюриковичей и их завоевательская организация ни в чём не отличались от норманнов

в других частях Европы. Можно было бы возразить, что победители и побеждённые слились воедино в России быстрее, нежели в других областях, завоёванных скандинавскими варягами, что предводители очень скоро смешались со славянами, каковое видно из их браков и их имен. Но надо помнить, что сподвижники этих предводителей, которые составляли как их охрану, так и их совет, продолжали состоять исключительно из варягов, что и Владимир, олицетворявший собой пик развития готской России, и Ярослав, олицетворявший начало её конца, сидели на её троне силой варяжского оружия ... В период правления Ярослава господство варягов было подорвано, одновременно с чем исчезают завоевательские устремления первого периода и начинается закат готской России. История этого заката показывает ещё более отчётливо, что завоевание и образование государства в империи Рюриковичей носило исключительно готский характер»⁴⁴.

Из этого отрывка видно, что значительная часть положений норманизма советского времени – это простое тиражирование высказываний К. Маркса. Естественно, его статья была хорошо известна российским историкам марксистского направления уже в дореволюционный период. И вряд ли кто может усомниться в том, что она, сделавшись неотъемлемой частью марксистской догматики, оказала значительное влияние как на историков-марксистов дореволюционного периода, так и на развитие советской исторической науки. Так, М.Н. Покровский (1868 – 1932), представитель социалистического направления русской исторической науки начала XX в., в своих работах, написанных с позиций марксизма, не только повторил слова К. Маркса о норманском завоевании, но и использовал аргументацию К. Маркса о готском / норманском завоевании как решающем факторе европейского политогенеза. Отсюда и исходят рассуждения М.Н. Покровского о том, что Киевская Русь не была результатом «внутреннего местного развития», а явилась следствием «внешнего толчка, данного движением на юг норманнов»⁴⁵. Этот ход рассуждений о ведущей роли внешнего фактора в становлении Древнерусского государства сохраняет свой наступательный заряд и в работах современных авторов, отстаивающих приоритет экзогенных факторов на ранних этапах становления русской государственности⁴⁶. Но Маркс не был историком, собственных исследований русской истории он не предпринимал. Он просто повторил слова А. Шлёцера, подкрепив их германоцентристской аргументацией, выработанной «индогерманистикой» ко второй половине XIX в. Но и А. Шлёцер не основывал своих выводов о норманском завоевании Восточной Европы на реальных свидетельствах источников: его взгляды восходили к рудбекианизму и утопизму эпохи Просвещения.

Примечания

¹ Кузьмин А.Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. I. М., 2003. С. 71-72; Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сб. РИО. Том № 8 (156). М., 2003. С. 11-13; Фомин В.В. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Там же. С. 146-147; *его же*. Варяги и Варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 8-57.

² Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь С. 13-17.

³ Там же. С. 18-20; *Latvakangas A.* Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig tolkning. Turku, 1995. S. 132-135.

⁴ *Latvakangas A.* Указ. соч. S. 136-137.

⁵ Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь ... С. 24

- ⁶ Там же. С. 24, 52; *Latvakangas A. Riksgrundarna ...* S. 130
- ⁷ *Nordström J. De yverbornes ö.* Stockholm, 1934. S. 111-112
- ⁸ Там же. S. 115
- ⁹ Там же. S. 116-121
- ¹⁰ *Latvakangas A. . Riksgrundarna....* S. 145
- ¹¹ Там же. S. 140; *Svennung J. Zur Geschichte des Goticismus.* Stockholm, 1967. S. 89
- ¹² *Nordström J. De yverbornes ...* S. 121-122
- ¹³ Там же. S. 123-132
- ¹⁴ Там же. S. 183-184
- ¹⁵ Münster S. *Cosmographia.* Basel , 1628. Faksimile-Druck nach dem Original von 1628. Lindau , 1978. S. 1420
- ¹⁶ *Latvakangas A. Riksgrundarna...S.* 117
- ¹⁷ *Latvakangas A. Riksgrundarna ...* S. 134
- ¹⁸ *Видекинн Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны XVII века. М. С. 280
- ¹⁹ *Фомин В.В.* Варяги и Варяжская Русь ... С. 23
- ²⁰ *Rudbek Olof.* Atland eller Manheim. Uppsala, 1937
- ²¹ Там же. Ч. I .S. 228-231
- ²² *Его же.* Указ.соч. Ч. I . S. 231
- ²³ *Его же.* Указ.соч. Ч. I. S 231-237
- ²⁴ Там же. Ч. I. S. 293-301
- ²⁵ *Svennung J. Zur Geschichte...* S. 91
- ²⁶ Эта тенденция столь влиятельна, что в той или иной мере проявляется в работах даже наиболее серьезных исследователей русско-скандинавских связей раннего средневековья: *Глазырина Г.В.* Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстена»: К истории Русского Севера // Древнейшие государства Восточной Европы (далее ДГ), 1983 г. М., 1984. С. 200-208; Древнерусские города в древнескандинавской письменности: (тексты, перевод, комментарий) / Сост. Г.В. Глазырина и Т.Н. Джаксон. М. 1987; *Мельникова Е.А.* Скандинавские антропонимы в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции (далее ВЕДС). 1994. С. 23-24; *её же.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГ, 1998 г. М., 2000. С. 143-159; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24-38; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С.

285-286; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С. 68-96; Свердлов М.Б. Rōrik (Hrōrikr) i Gordum // ВЕДС. М., 1994. С. 36-37; Скрынников Р.Г. Русь. X-XVII вв. СПб., 1999. С. 14-27; Успенский Ф.Б. Варяжское имя в русском языковом обиходе (К этимологии слова «олух») // ДГ. М., 2001. С. 263-280; Успенский Ф.Б., Литвина А.Ф. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история через призму антропонимики. М., 2007.

²⁷ Rudbek O. Atland....Ч. III. S. 194-199, 347-349

²⁸ Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: гений русской истории. М., 2006. С.353-354

²⁹ Rudbek O. Atland.... Ч. I. S.324 – 325

³⁰ Кузьмин А.Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. I. М., 2003. С.81

³¹ Лурье С.Я. История Греции. СПб., 1993. С.43

³² Latvakangas A. Riksgrundarna.... S.97

³³ Svennung J. Zur Geschichte.... S. 64-65

³⁴ Montesquieu Ch. L. Om lagarnas anda. Stockholm, 1990. S. 165

³⁵ Нильсен Й.П. Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992. С. 17-18.

³⁶ Voltaire. Karl XII. Stockholm, 1993. S. 12

³⁷ Фомин В.В. Ломоносов ... С. 347

³⁸ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки ... с. 272

³⁹ Latvakangas A. Riksgrundarna ... S. 95 ; Nordström J. De yverbornes ... S. 98 – 99.

⁴⁰ Svennung J. Zur Geschichte ... S.56

⁴¹ Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке, сличённые, переведённые и объяснённые Августом Лудовиком Шлёцером. СПб, 1809. С. XIX–XXVII.

⁴² Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь ... С.99

⁴³ Marx Karl. 1700 – talets hemliga diplomati. Värnamo, 1990. S. 6

⁴⁴ Marx Karl. 1700 – talets ... S.131 – 133

⁴⁵ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. М., 1910. С. 58-59

⁴⁶ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки ... С. 325